

Свирепые сердца

Евгений
Воробьев

СВИРЕПЫЙ

Рассказ-воспоминание о службе на
военном корабле в г. Балтийске

Евгений Воробьев

**Свирепые сердца. Рассказ-
воспоминание о службе
на военном корабле в г. Балтийске**

«Издательские решения»

Воробьев Е. А.

Свирепые сердца. Рассказ-воспоминание о службе на военном корабле в г. Балтийске / Е. А. Воробьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838008-2

В рассказе все основано на реальных событиях службы на сторожевом корабле «Свирепый» в 1987—1989 годах. События описываются от лица матроса срочной службы с использованием текстов сохранившихся писем родным.

ISBN 978-5-44-838008-2

© Воробьев Е. А.
© Издательские решения

Свирепые сердца

Рассказ-воспоминание о службе на военном корабле в г. Балтийске

Евгений Александрович Воробьев

Иллюстратор Евгений Александрович Воробьев

© Евгений Александрович Воробьев, 2017

© Евгений Александрович Воробьев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8008-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старший матрос Воробьев. Е.А. 1988 год.

Командиры за время службы: кап. 2 р. Демьянченко, кап. 3 р. Авраамов; Старпомы: кап. 3 р. Кулиш, кап. 3 р. Белоногий; замполиты: кап. 3 р. Данченко, кап. 3 р. Шугайло. Комсорг: л-т Бабаянц. Командир РТД – кап. л-т Пристенский, Командир ГАГ – ст. л-т Петр Сидоров. Техник ГАГ- мичман Глухов, старшина ГАГ – ст. мичман Макаренко.

Решаемые задачи кораблем: ОБЭСК-88, ОБЭСК-89, учения по ПВО совместно с западной группой войск-89 г.

На трапе. Слева направо: ст. матрос Косихин Александр, ст. матрос Воробьев Евгений

Командир корабля Авраамов «проверяет связь» в новогодний праздник.

Воробьев Евгений Александрович,

Дата рождения 03.12.1968 г.р., уроженец г. Бийска, Алтайский край. Прохождение службы на корабле: ноябрь 1987-сентябрь 1989 г.

Командиры: кап. 2 р. Демьянченко, кап. 3 р. Авраамов; Старпомы: кап. 3 р. Кулиш, кап. 3 р. Белоногий; замполиты: кап. 3 р. Данченко, кап. 3 р. Шугайло. Комс-орг: л-т Бабаянц. Командир РТД – кап. л-т Пристенский, Командир ГАГ – ст. л-т Петр Сидоров. Техник ГАГ- мичман Глухов, старшина ГАГ – ст. мичман Макаренко.

Решаемые задачи кораблем: ОБЭСК-88, ОБЭСК-89, учения по ПВО совместно с западной группой войск-89 г.

В военную гавань города Балтийска нас строем завели через КПП поздно вечером в начале ноября 1987 года. Было нас человек двадцать пять. Все прошли перед этим полгода муштры в радио-технической школе (учебке) в г. Лиепая в Латвии. Учебка располагалась в бывшей фашисткой авиационной воинской части. Нам же теперь предстояло продолжить службу уже на военных кораблях.

С братом Виктором в Москве

Один из сопровождавших нас матросов выпрашивал по дороге теплый тельник:

Все равно годки отберут, – убеждал всех матрос.

Кто-то из строя, достав зимний тельник, действительно подарил его этому матросу.

Я, Косихин Александр и Булатов Виктор были распределены на сторожевой корабль «Свирепый» гидроакустиками. Но «Свирепый» оказался на параде в Ленинграде, где праздновалось 70-летие Великой Октябрьской Социалистической революции и мы ночевали три ночи на СКР «Неукротимый».

По возвращении в базу СКР «Свирепый», нас отвели туда, и передали командиру гидроакустической группы.

На «Свирепом» в первый день после обеда полторащик гидроакустической группы Генка Сабирзянов сказал нам, что сейчас адмиральский час и всем можно поспать. Мы, конечно, после учебки были очень этому удивлены и с удовольствием легли на свои кровати, естественно все на третьем ярусе. Минут через 30-ть мы были разбужены криком:

– Вы что, «караси», совсем охренели? Кто вам спать разрешил днем? – Это был годок «Сека». «Секой» звали каждого секретчика – писаря секретной части, который жил в кубрике гидроакустической группы. Мы пытались оправдываться, что нам разрешили. После чего были изгнаны из кубрика гидроакустической группы (ГАГ) и ушли на бак курить.

На корабле все было совершенно иначе, чем в учебке. В первые дни с кораблем нас знакомил командир отделения ГАГ старшина 2 статьи Андрей Михайлов. Все звали его Михалыч. Мы ходили за ним и записывали в записные книжки все, что он нам говорил по расположению на корабле всех постов, бесчисленных вентиляжек, вооружения и антенн:

– Каждый матрос должен знать наизусть весь корабль. В любое время, даже разбуженные ночью, вы всегда должны знать ответы на вопросы типа: в каком тамбуре находится сороковая вентиляжка, или в каком тамбуре находится такой-то пост и тому подобное. Понятно?

– Понятно, – отвечали мы. Хотя на самом деле не совсем укладывалось в голове, как все это можно выучить наизусть.

– Самая страшная каюта на корабле каюта №13.

– Почему?

– Эта каюта особиста, – пояснял нам Михалыч. Хотя слово «особист» нам тогда ни о чем не говорило.

Буквально в первые дни службы всех молодых матросов начал по очереди вызывать к себе особист:

– Воробьев Евгений... Ну что, Евгений, нужно обязательно сообщать мне, если услышишь, что кто-то высказывается против Советской власти. Понятно?

– Понятно. – А что в такой ситуации еще можно было ответить в 1987 году? Было только странно, не ужели у нас на корабле кто-то может быть против Советской власти?! И все равно никто из нас стучать не собирался.

– Ну, раз понятно, иди, – особист выглядел очень спокойным и уверенным в себе человеком лет двадцати пяти в звании старшего лейтенанта.

В первый месяц нас привлекали только на уборку корабля. В остальное время мы втроем самостоятельно ходили по кораблю и учили, что где находится.

Косихин, которого с учебки все звали Косой, и Булатов были с Ленинграда, а я с Алтайского края, комсомол которого в то время был шефом Дважды Краснознаменного Балтийского флота. Я корабль видел впервые в учебке, когда нас водили на экскурсию на какой-то старый корабль. Тогда я был удивлен, что на корабле все было убого и очень тесно. Матросы, спавшие на третьем ярусе, буквально упирались в подволоку. Прямо над кроватями третьего яруса могли проходить трубы или кабеля. На «Свирепом» было гораздо лучше. Отделанные пластиком кубрики, возможность прохода от бака до юта корабля без выхода на верхнюю палубу. Словом, корабль приятно удивил своей мощностью, красотой и достаточным комфортом.

– Кто самый страшный человек на корабле? – «пытал» нас старший матрос, подгодов Клемешов Сашка.

– Не знаем...

– Матрос с кисточкой..., – Олег загадочно ухмылялся, а мы тогда ничего не поняли... Поняли только позже, в первую большую покраску...

В ближайшее время с корабля уходили на «дембель» моряки, игравшие в корабельном вокально-инструментальном ансамбле. Музыканты ходили по кораблю и искали себе замену среди «карасей». Я играл до призыва в школьном ВИА на ритм-гитаре и пел, потом играл в институте уже на ударных. Никак не мечтал попасть в ВИА на корабле. Да и не мог даже и предполагать, что на корабле вообще может быть ВИА.

На ударных я играть умел еще слабовато и мечтал научиться играть лучше. Связист нашего призыва казах Алик Дулатбаев играл до призыва в ресторане на ударных, но так же хорошо умел играть на соло-гитаре. Соло-гитариста другого не нашли, в связи с чем я попал играть на ударные. Так же с нами на бас-гитаре остался басист с предыдущего состава ВИА Павловский Валентин. Он был на полгода старше нас по призыву.

В сухопутных частях зачастую музыканты ВИА освобождаются практически от всех других обязанностей. Однако, на корабле такого не было. Репетировали мы только после отбоя или в выходные.

Я буду по ходу рассказа вставлять отрывки из моих писем. Вот первый отрывок: «Здравствуйте, мои родные папа, мама, бабулечка! У меня все нормально, погода плохая, дождь, ветер. Не можем никак выйти в море на испытание одной нашей «штуки». Из-за погоды не выходим. Но скоро, наверное, «вылезем».

А пока мы лазим по вентиляжкам, их на корабле около сорока. Наших – пять штук. Собираем в них воду в кандейки (в ведра). Вода там сочится из всех щелей. В общем, время идет быстрее, чем в учебке. А сдадим 20/XII на допуск, в наряды будем ходить»...

Перечитал одно из первых моих писем с корабля и подумал: «Бедные мои родители и бабушка! Ну, вот что они могли подумать, прочитав, что на корабле из всех щелей сочится вода? Что корабль весь дырявый и может утонуть?»

Письмо второе: «Вообще, время летит быстро. Ведь посидеть спокойно в день два раза не всегда выходит. Весь день то тренировки по специальности, то уборка, то еще что-нибудь. Если какая-нибудь политинформация – так это счастье. Так вот и живем.

Ну, в общем, больше нет новостей. Пишите. Целую, ваш Женька.

P.S. В море еще до сих пор не был. Завтра вроде бы стрельбы намечаются».

Первый выход в море произвел на меня огромное впечатление. Я же до службы море ни разу не видел, а тут служба на корабле. К тому же ГАГ при выходе в море – шкафутная команда и мы в первый же выход в море стояли в одну шеренгу на шкафуте до выхода с базы.

В этот наш первый выход в море все гидроакустики дружно заставили нас набрать забортной воды в кандейку (ведро). Набирая воду из кандейки в плафон от лампочки из вентиляционного отделения, я, Косой и Булатов по очереди выпили каждый по полному плафону, примерно по литру. Так по старому обычаю нас посвятили в моряки...

Ощущения от качки были не самыми приятными, к тому же еще и не привыкли. Косой хоть до службы в море бывал-ходил на яхте, т.к. увлекался этим. От выпитой воды всех подташнивало дополнительно. Но все же никого из нас не стошнило.

В гидроакустической рубке все шло по – наработанной схеме. Мичман Владимир Глухов – техник ГАГ и главный старшина Валерий Коронский привычно наблюдали за подводной обстановкой на экранах гидроакустической станции «Титан». Станция излучала ультразвуковой сигнал «Пя-у-ум, пя-у-ум». Гидроакустическая рубка находилась ниже ватерлинии, и все эти звуки хорошо было слышно сквозь борт. Гидроакустики были в наушниках с микрофонами и периодически докладывали на главный командный (ГКП) пункт о подводной обстановке:

– Подводная цель номер один: пеленг 40, раздел 20. Цель номер 2: пеленг 25, раздел 18.

«В морях» атмосфера на корабле резко менялась. Построения экипажа на верхней палубе были редко, зарядку не проводили. Уборку тоже иногда проводили уже не три раза в день. Вахту «тащили» четыре через восемь часов, если был полностью укомплектован боевой пост. Мичман Владимир Глухов из рубки уходил вообще довольно редко, особенно когда на учениях шел конкретный поиск подлодки условного противника.

Командир ГАГ москвич старший лейтенант Петр Сидоров был довольно жестким офицером, особенно по отношению к нам, срочникам. Мы на него частенько обижались за требовательность, а иногда и за откровенные перегибы. Сейчас я понимаю, что по-другому с нами было просто нельзя себя вести. Худощавый, со своеобразными манерами, Сидоров требовал от нас знание и выполнение наших обязанностей согласно Книги корабельных расписаний. Наши обязанности были прописаны у нас в «Книжках боевой номер» и периодически мы, стоя у каюты Сидорова, зубрили эти свои обязанности. Он нас не отпускал, пока не отвечали ему свои обязанности наизусть. Конечно, тогда мы воспринимали это как откровенную тиранию. А как нас можно было по-другому заставить выучить все?

Старшиной ГАГ у нас был старший мичман Макаренко. Он прослужил в Морфлоте более 30 лет. Рассказывали, что до «Свирепого» он служил артиллеристом на крейсере, и в первый раз увидев круглый экран гидроакустической станции, попросил показать ему на экране подлодку. На круглом экране гидроакустической станции все цели похожи, они просто прямоугольники. Из центра во все стороны, кроме кормовой стороны, появляются прямоугольники эхоконтактов.

С немцами в Балтийске

В гидроакустической рубке «Вижу подводную цель!»

Лайма Вайкуле на «Свирепом»

Командование ОБЭСК. Польская народная республика

«Разве подлодка просто прямоугольная? А где рубка?», – якобы спросил тогда Макаренко. Правда это или нет, не знаю, но почему-то запомнился этот рассказ.

Макаренко всегда был с нами на шкафуте на выходе в моря и на возвращении в базу. Он иногда рассказывал интересные истории из своей службы и морские анекдоты:

– Идет, значит, по стенке матрос, а ему с палубы кричат: «Эй, моряк, отдай швартовы!» Матрос огляделся по сторонам и дальше идет. Ему опять с корабля кричат: «Эй, моряк, отдай швартовы!» Матрос огляделся по сторонам еще раз и дальше идет. Третий раз ему кричат: «Эй, моряк, отдай швартовы!» Матрос в ответ: «Что доколупались – то? Я у вас ничего не брал!»

Маленького роста, полный, Макаренко был очень интересным непредсказуемым человеком. Мог придти и вывернуть в кубрике все наши рундуки, построить всех, накричать. Но не могу сказать плохо о нем. Он просто тянул свою службу. На то он и старшина...

Запомнились помывки в душе личного состава. Особенно первая. Набили в первую смену помывки, как всегда, полную душевую карасей. А в душе работало толи один толи два крана с водой. На переборках находились нагреватели для воды. Вода в них нагревалась паром. Теплоизоляции на этих нагревателях не было никакой. Тема такая: один быстро забегает под душ, потом намыливается. Следующий так же поступает, и так по кругу. Потом подбегаешь и ополаскиваешься. Все очень быстро происходит. Один из матросов обжег руку о нагреватель воды.

После помывки каждый шел совершенно в голом виде до своего кубрика, в одних тапочках.

Помывка всегда проходила по субботам после большой приборки. И после помывки караси стягивали целые лужи воды после таких вот голых пешеходов.

А как-то в море, когда «Свирепый» стоял на якоре, в душе отключили воду. Я и еще несколько матросов были на юте перед построением. В это время Костя Мовчан, матрос с БЧ-5, моего же призыва, выбежал на палубу совершенно голый и весь в мыле! Мы начали смеяться над ним:

– Что случилось?

– Да только намылился – и воду отключили! Помогите лучше подняться потом на борт. Я сейчас нырну с юта, чтобы мыло смыть.

Костя нырнул. А был довольно грузного телосложения. Мы его потом с кормы на борт втроем еле вытянули.

Командиром корабля осенью 1987 года был капитан второго ранга Демьянченко Олег Дмитриевич, старпомом – капитан-лейтенант Кулиш Алексей Михайлович, замполитом-капитан третьего ранга Данченко Сергей Федорович.

А примерно с осени 1988 года командиром корабля был назначен капитан – лейтенант Авраамов Николай Георгиевич, старпомом стал капитан-лейтенант Белоногий Сергей Петрович, а замполитом капитан третьего ранга Шугайло Анатолий Алексеевич.

Авраамов любил популярный в то время стиль музыки хеви-метал-рок. Он разрешил репетировать ВИА до часа ночи, о чем под стеклом на столе дежурного офицера лежала бумага за подписью Аврамова.

Мы играли как песни начала 80-х, так и хеви-метал. Играли и пели песни из репертуара популярных в то время групп «Ария», «Черный кофе» и др. По карасевке было достаточно тяжело репетировать допоздна. Работать днем по кораблю приходилось довольно много, а потом приходилось еще и репетировать. Но это было моральной отдушиной.

Нам спаял самодельную приставку «Фуз» к соло-гитаре один из связистов нашего призыва (к сожалению не помню уже фамилию). Приставка придавала электрогитаре хриплый звук для исполнения рок-музыки. Но звук по нормальному должен был еще и тянуться долго. Однако тянущийся звук почему-то приставка не выдавала, и Дулатбаев умудрялся играть с тем звуком, какой имелся.

Ударная установка была так называемая «Ленинградка», причем два барабана на ней были самодельные – правый верхний и нижний томы. Это еще до нас парни соорудили. Вся аппаратура конечно же оставляла желать лучшего. Соло – гитара «Тоника», бас-гитара «Урал», ионика – легендарная «Юность». Усилители, микрофоны и колонки тоже были не шик... и все же мы умудрялись на этом играть. Не скажу, что мы были крутыми музыкантами, но мы очень старались...

Дулатбаев учил меня игре на ударных. Примерно через полгода я стал барабанить уже намного лучше.

Репетировали мы в третьем тамбуре, там еще до нас моряки отгородили с помощью брусьев и фанеры помещение для занятий ВИА. На репетиции к нам приходили и наши сослуживцы, послушать. Офицеры и мичмана тоже некоторые приходили, в основном, когда были в суточном наряде. Руководителя группы у нас как такового не было.

Матрос радиометрист Таушкин Сергей, тоже нашего призыва, стал петь у нас в ВИА.

«Деревянные церкви Руси,
Заколочены древние стены,
Подойди и о многом спроси,
В этих срубах есть сердце и вены», —
звучало на репетиции в исполнении Таушкина.

По корабельным специальностям и месту призыва мы были распределены следующим образом: я – гидроакустик с Алтайского города Бийска (радио – технический дивизион), Таушкин – радиометрист ближней надводной обстановки (тоже радио – технический дивизион, к сожалению, потерялись контакты и в Интернете не могу его найти), Павловский – с Украинского Запорожья (моторист БЧ-5), Дулатбаев – с Казахстана (сигнальщик дивизиона связи). Дулатбаев всегда шутил над собой, что он самый узкоглазый в семье, зато ему спать на вахте удобно. Чего греха таить, по карасевке многие «укипали» прямо стоя. А у Дулатбаева было не понятно, то ли он от ветра прищурился, то ли глаза у него закрыты и он спит.

Не могу никого из них найти в Интернете, кроме Павловского. И то, нашел его мать, а он никак на связь не выходил. Недавно на конец-то пообщались по скайпу.

Выступали мы в основном на праздниках на корабле. Но и в клубе базы тоже пару раз выступали. Потом начали писать свои песни, записали на кассету. Раз, будучи в Лиепае, выступили на аппаратуре ВИА крейсера «Свердлов». Оно уже был приварен к стенке. Мы выступали на верхней палубе, а зрители стояли на берегу. И в это время у них начался пожар в каком-то тамбуре. Нам это было непривычно, что на корабле может быть пожар. А один из «Свердловцев» сказал: «Да вы не переживайте, у нас часто такое происходит!»

Мой боевой номер 7-5-21 по книге корабельных расписаний был внештатным планшетистом дальней воздушной обстановки. Годок Юрий Шваб учил меня премудростям шифрования сетки планшета и выдачи засекреченных данных (ВЗД):

– Кодировка сетки меняется периодически, а принцип деления квадратов сетки на более мелкие квадраты по «улитке» остается всегда.

Слушая на учениях сплошной поток цифр по телефонии, я просто не мог понять, как можно в этом потоке цифр различать и наносить цели на планшет, да еще и писать цифры нужно было в зеркальном отображении, чтобы офицер мог свободно их читать с обратной стороны планшета. А какая-то девушка (нам всем казалось, что именно молодая и красивая) так и шпарила с берега:

– ВЗД 03 75 43 32 04 76 42 31 05 76 32 49– С ума можно просто сойти, так мне казалось тогда.

В нашем заведовании по уборке был мичманский коридор. Убирали его по следующему принципу: намыливает и выжимает пену из губки тот, кто помоложе призывом, стягивает ветошью грязь самый молодой. Растирает пену щеткой по палубе уже кто-нибудь из полторашников. Если был контроль со стороны руководства ГАГ, то на уборку выходили и подголки. Годок Шваб на уборку если иногда и выходил, то максимум что делал – это протирал пыль на приборах в коридоре или натирал пастой голя медные трубки и таблички на каютах.

Неуставные взаимоотношения позволяли нам, срочникам, не вкалывать всю службу, а постепенно уменьшать нагрузку с каждым новым призывом. В этом была своя логика. Ведь если бы всем платили нормальную зарплату, то этих взаимоотношений попросту не могло бы быть. А за 12—18 рублей в месяц кто захочет ишачить 3 года? Неуставняк держался в основном на том, что страшили по Уставу вообще службу сделать намного хуже. Типа и обращаться на «Вы» к ком. отду и даже в галюн у него отпрашиваться и т. д. и т. п. В общем-то, неуставного беспредела, как такового, на корабле не было.

Через пару месяцев ежедневных трехразовых уборок, мы могли уже вдвоем вымыть палубу коридора мичманов минут за 10-ть...

Фишкой на корабле было поесть лук в растительном масле во время приемов пищи. На корабле кормили лучше, чем в учебке, но все же не достаточно вкусно. Караси по очереди чистили и резали лук и приносили его в столовую украдкой на обеденный прием пищи. Ели лук на обеде все призывы. При Авраамове лук стали накрывать на стол официально, только без масла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.